

Борис Хмельницкий

МЕМУАРИЗМЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Хмельницкий
Мемуаризмы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хмельницкий Б. И.

Мемуаризмы / Б. И. Хмельницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Право писания мемуаров нужно заслужить. Это право есть у выдающихся политиков, писателей, художников, ученых - людей, оставивших хоть какой-то след на земле, хоть что-нибудь для будущих поколений. Прочие воспоминания написаны людьми, страдающими завышенной самооценкой и страстно желающими наследить. Автор не страдает завышенной самооценкой, поэтому представляет нашему вниманию «Мемуаризмы» - понятие, рожденное от совокупления мемуара и маразма. Содержит нецензурную брань.

© Хмельницкий Б. И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

От автора

Автор сидел в очереди к врачу. Очередь казалась бесконечной. На стульях сидело человек двадцать, еще столько же толпилось у стола регистратора, а новые пациенты все подходили и подходили. Врач Георгий метался из одного кабинета в другой, затем в третий: он считал себя обязанным сократить ждущим время ожидания. Но в очереди никто никуда не торопился, пациенты тихо вели друг с другом беседы. Со стороны это напоминало светский салон. Впрочем, это и был своего рода «салон», ибо тут встречались пожилые эмигранты из России. Так уж повелось, что их встречи проходили либо в приемных у врачей, либо по выходным – на блошиных рынках, благозвучно называемых фломарктами. Но фломаркт – это летом, а зимой для светских бесед, конечно же, приемная у дверей врачебного кабинета.

Заправляла «салон» супруга врача Кира, очаровательная и ироничная женщина с легким нравом, что позволяло ей спокойно реагировать на тупость некоторых пациентов. И если Георгий – многостаночник, то Киру можно назвать постовым регулировщиком, ловко устраняющим возникающие заторы и пробки. И так восемь часов в день. Работа, можно сказать, адова; нормальный человек и дня тут не продержится. Только один раз Кира выразила неудовольствие. Народу в приемной набилось – яблоку не упасть. И тут в толпу втиснулась пара – муж и жена, оба большие, грузные. Кира взглянула на пару и тихо спросила:

- Вдвоем на прием?
- Нет, только супруга, – ответил муж.
- Зачем же в Тулу со своим самоваром?
- Я всегда сопровождаю её к врачам.
- Даже к гинекологу?

Услышав этот диалог, автор вдруг понял, что беседы пациентов – Клондайк для литератора, и начал прислушиваться к разговорам. Оказалось, что все беседы очередников сводятся либо к болезням, либо к воспоминаниям. Чужие воспоминания невольно уводят слушателя в прошлое. Увели и автора. И тогда он решил написать книгу собственных воспоминаний.

Право писания мемуаров нужно заслужить. Это право есть у выдающихся политиков, писателей, художников, ученых – людей оставивших хоть какой-то след на земле, хоть что-нибудь для будущих поколений. Прочие воспоминания написаны людьми, страдающими завышенной самооценкой и страстно желающими наследить. Такие писания можно отнести к тем художественным произведениям, которые великая Фаина Георгиевна Раневская называла «плевком в вечность».

Автор завышенной самооценкой не страдает, и наследить не собирается. Чтобы не давать козырей в руки критикам, предпочитающим реализм, он придумал «мемуаризмы» – понятие, рожденное от совокупления мемуара и маразма. А сам, используя популярный ныне мэм «меня там нет», скрылся за маской героя, который является полным тезкой автора, но никак не самим автором.

Знакомьтесь, герой перед вами. Его зовут Борис Хмельницкий.

Борис родился на стыке 1942 и 1943 годов. Именно так – на стыке. Шла война. Во время войны его родители служили в штабе Береговой обороны Черноморского флота. Штаб постоянно передвигался вместе войсками и в тот момент базировался на побережье Черного моря в городе Потти.

С раннего детства судьба не щадила Бориса. В семь с половиной лет он переступил школьный порог. Именно в семь с половиной, потому что в шесть с половиной его в школу не взяли – не вышел возрастом. А в школу он по наивности лет хотел. Боря счел это решение школы дискриминацией, очень обиделся и стремление к учебе утратил. А дискриминация юного школьника продолжалась. С первого по пятый класс он ежегодно сдавал переходные экзамены, тратя на это нервы и здоровье, как свое, так и родителей. Когда он перешел в

пятый класс, переводные экзамены в начальных классах отменили. Но экзамены за пятый и шестой оставили. Когда он перешел в восьмой класс, отменили экзамены за пятый и шестой классы. То же и с армией. Призвали на три года, отслужил три с лишним. А как только демобилизовался, срок срочной службы начали сокращать.

Столь длительная обида могла отрицательно отразиться на характере героя. Но этого не случилось, ибо он жил в атмосфере всеобщего счастья. Как писал поэт:

Наша родина прекрасна
И горит, как маков цвет.
Окромя явлений счастья
Никаких явлений нет.

И это правда. Никаких других явлений не было и при великом Вожде, и в период развитого социализма, и теперь – при реставрации капитализма. Явление счастья надежно страховали Внутренние Органы страны. И будь то СССР или Россия – этот ливер всегда работал исправно.

Итак, наш герой, как и весь народ, был счастлив. Правда, периодически. Постоянно быть счастливым нельзя, нужно иногда ходить на работу. «Делу время, потехе час», как известно. Именно эти потешные часы и стали основой мемуаризмов.

Теперь, когда автор так удачно анонсировал свое произведение, переворачивайте страницу и читайте. Уверен, вы получите удовольствие.

Постскриптум. Скромность не входит в число достоинств автора и его героя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭПИЗОДЫ

День рождения

«Час зачатия я помню не точно...» – пел Высоцкий. Тут нет ничего удивительного: в момент зачатия зачинатели на часы не смотрят. Но наш герой не знал ни час, ни день, ни даже год своего рождения. А такой человек заслуживает внимания окружающих.

Когда Боря заинтересовался датой своего рождения, мать сказала:

– Ты родился 28-го декабря, а папа записал 2-го января, чтобы в будущем прибавить тебе год до армии.

– Точно, – подтвердил отец. – Сынок, холод был жуткий. Старая менгрелка приняла роды и обтерла тебя ледяной водой. Поэтому у тебя ревматизм.

Ревматизм действительно присутствовал, что доказывало правдивость родительских объяснений. И долгое время Боря этими объяснениями удовлетворялся, веря в исходное 28-е декабря. Поступив в техникум, он захотел отметить с однокурсниками свой день рождения. Сокурсники отказались – впереди Новый год. Осилить двойную финансовую нагрузку в течение одной недели никто не мог.

– Жаль, что я не родился 31-го декабря, – огорченно сказал Боря матери. – Тогда можно совместить два праздника.

– Совмещай, – сказала мама. – Ты родился именно в ночь на 31-е декабря. – Видимо, она забыла, что говорила лет семь назад.

Боря ошеломленно уставился на мать.

– Но ты же говорила... – пробормотал он.

– Сынок, – сказал отец. – Шла война. Над штабом то и дело появлялись немецкие «Хенкели», выли сирены и взрывались бомбы. Кто тогда думал о датах? Мы с мамой думали только о том, чтобы бы ты остался в живых. А записал я тебя, когда нашел время съездить в городской ЗАГС.

Боря принял на веру новую версию своего рождения и пригласил сокурсников отметить его пятнадцатилетие 31-го декабря. И вскоре пожалел об этом.

Родители уехали на сутки в профилакторий, бабушку забрал к себе дядя Сема, папин брат, и комната осталась в полном распоряжении Бориса. Такая удача не часто выпадала подростку в послевоенной Одессе, где семьи, владеющие двумя комнатами, считались невероятными богачами.

Имея целую жилплощадь, Боря решил отметить свой день рождения с шиком. На всю стипендию он купил вино, конфеты, торт для девочек и папиросы «Казбек» – на большее его Фантазии не хватило.

Друзья собрались к девяти часам. До десяти провожали старый год, затем погасили люстру, и под свет уличных фонарей, проникающих в комнату, танцевали и целовались. В двенадцать встретили Новый 1958-ой год, спели песенку «Пять минут», вышли на улицу, пошумели, вернулись в квартиру и снова пили и пели. Короче, веселились от души. Вся коммунальная квартира тоже веселилась, и поведение друзей Бориса нетрезвых соседей не раздражало.

К часам пяти утра все от веселья устало и начали расходиться. И тут, уже в дверях, вдруг кто-то сказал:

– Черт! А ведь у нас здесь именинник!..

Гости вернулись к столу, наскоро разлили оставшееся вино, провозгласили тост: – Поздравляем! Будь здоров, расти большой! – выпили и исчезли. Уже окончательно.

Боря осмотрелся. Подарков, на которые он рассчитывал, нигде не обнаружил. Зато на столе лежала гора тарелок с остатками торта, стояла куча грязных стаканов с окурками, а на паркетном полу валялись пустые бутылки. Из одной остатка красного вина вылились на паркет. И все это он должен убрать до возвращения родителей. Именинник выхватил из кармана фигу, открыл окно, ткнул фигу вслед удаляющимся приятелям:

– Вот вам! Не будет вам больше моего рождения!..

Известную трехпальцевую фигуру он привык пользоваться с раннего детства.

Сага о фиге

Двор, окруженный забором, оплетенным колючей проволокой. По двору бродят какие-то люди и утята. Боря этих утят знает, однажды пытался утопить одного из них в колодце. Не получилось, оказалось, что утята не тонут. И людей знает, они называются матросами. В небе планирует коршун, заинтересованный утятами, беспечно болтающимися по двору. С лиц людей не сходят радостные улыбки. Позже Боря узнал, что это происходит на территории штаба Береговой обороны Черноморского флота, где служат его родители. А матросы улыбаются, потому что месяц назад кончилась война.

Солнце стоит в зените. От солнца Борю спасает белая панамка, сшитая из чехла матросской бескозырки. Ему два с половиной года. Он сидит на руках какой-то тетеньки. Рядом стоит его мама, она о чем-то с этой тетенькой беседует. Тетенька и мама время от времени смеются.

Во дворе появляется мужчина. Матросы вытягиваются в струнку, отдавая ему честь.

– Пойдем, поприветствуем начальство, – говорит женщина Боре. В её голосе слышится ирония.

Женщина подносит Борю к мужчине.

– Покажи-ка ему дулю, – требует она.

Что такое «дуля», Боря уже знает. Он пытается сложить фигуру. Пальцы слушаются его плохо. Женщина помогает ему. Созданную конструкцию он протягивает к лицу мужчины. Женщина хохочет. Мужчина без возмущения принимает ситуацию и тихо просит:

– Маша, перестань, неудобно, вокруг матросы.

– Он, когда слесарил, тоже всего стеснялся, – говорит женщина маме и снова поворачивается к мужчине. – Петя, скажи, ты тогда думал, что будешь спать с настоящей генеральшей? – И опять хохочет.

Мужчина вынуждено улыбается.

Мужчина – это Начальник береговой обороны, генерал-лейтенант Моргунов, а женщина – его жена, Мария Федоровна. И показ дули был многоцветной фишкой генеральши.

Впоследствии мама часто вспоминала Марию Федоровну и ее шутки.

Спустя двадцать лет Боря Хмельницкий, приехав после армии поступать в театральный ВУЗ, месяц прожил в доме Моргуновых. Он привез рекомендательное письмо от матери. Дверь ему открыла сама Мария Федоровна. Мария Федоровна прочла письмо прямо в прихожей, перевела взгляд на парня, и удивленно констатировала:

– Смотри-ка, ты вырос. Пойдем, покажу тебя генералу. – И повела Боря в гостиную.

Генерал в то время уже был в отставке. Он сидел в кресле в пижаме и читал газету. Мария Федоровна подвела гостя к нему.

– Петя, представляешь, он уже отслужил срочную. Узнаешь? Генерал посмотрел на юношу и отрицательно покачал головой.

– А я сразу узнала. Ты напрягись, напрягись, вспомни Илью и Клару. – Она назвала имена родителей Бориса.

– Илью и Клару? – переспросил генерал.

– Боря, покажи генералу дулю! – скомандовала Мария Федоровна.

Борис растерялся: все-таки он уже не ребенок, и дуля у носа может обидеть генерала. Мария Федоровна заметила растерянность гостя и призвала к порядку. Но почему-то не Бориса, а мужа.

– Петя! – грозно сказала она.

– Выполняй приказ, солдат, – потребовал генерал. Слова были жесткими, но интонация просительная.

Делать было нечего; Боря достал из кармана фигу.

Генерал некоторое время сосредоточенно смотрел на его руку.

– Вот теперь я его узнал, – сказал он, наконец.

Борису очень захотелось спросить генерала: «А кто в действительности командовал во время войны береговой обороной?». С трудом сдержался, чтобы не произнести этот вопрос вслух, и аккуратно спрятал фигу назад в карман. Аккуратно и бережно. Ибо он уже знал, что фигу – нужная в обиходе вещь. Её присутствие в кармане придает человеку значимость в собственных глазах. К сожалению, сегодня фигуру из трех пальцев заменил один средний палец, тянущийся вверх. А зря: три сжатых пальца легче держать в кармане в готовности, чем один торчащий. Кроме того, палец, выпирающий из штанов, навеивает окружающим непристойные мысли о его владельце.

Диалог в очереди к врачу

– Георгий такой врач, такой врач... Когда он улыбается, сразу выздоравливаешь.

– Моему остеохондрозу его улыбка не помогает.

– Так обратитесь к другому врачу.

– Бесполезно. Знаете, эти врачи, они без компьютера ничего не понимают. А в компьютере я и сам все могу прочесть.

О семье и немного больше. Баба Бора (1)

Полное имя бабушки – Гитль Шмулевна Визенталь. Когда Боре было пять лет, ей исполнилось шестьдесят восемь. Она была неотделима от той исчезнувшей Одессы, которая тонула в запахах цветущей акации и каши. Морская пыль взвесью висела в воздухе и придавала городу неповторимый аромат. Кроны платанов нависали над улицами, легкий бриз шевелил развешанным во дворах на просушку бельём, запахи жареной скумбрии и лука вылетали из открытых окон домов. В этой Одессе жили бабушки, которые вечерами усаживались на низеньких

скамеечках у ворот домов и вели громкие разговоры. Не пользуясь радио, не читая газет, они знали обо всем, что произошло в мире сегодня, и все, что произойдет завтра.

Семья Хмельницких жила на втором этаже большого дома и занимала одну комнату в четырехкомнатной коммунальной квартире. Дом был угловым, шестиэтажным, с пятью парадными и внутренним двором. Окна комнаты выходили на улицу, по которой с шести утра до полночи грохотал трамвай, а окно кухни выходило во двор. На первом этаже располагались гастроном и булочная. Служебные входы в оба магазина находились во дворе, что во времена нехватки продуктов делало жильцов дома «блатными», имеющими право приобретения еды с заднего хода. Продавщицы резервировали часть поступивших продуктов и сообщали дворничихи тете Паше о предстоящей распродаже. Информация мгновенно становилась общеизвестной. Чтобы оказаться в числе счастливых обладателей дефицитной крупы, макарон или сахара, жильцы выстраивались в очередь у служебного входа в магазин часов за пять до открытия. Ибо продукты распределялись справедливо – не больше килограмма в одни руки.

Бабушка обладала удивительной интуицией: когда бы она не вышла, она непременно оказывалась в числе первых десяти очередников. Боря особенно радовался, когда продавалась мука. Днем бабушка делала из муки пирожки «с нетом». Для непосвященных объясняем – жареные пирожки бывают нескольких видов: с мясом, с картошкой, с капустой, с луком-яйцом-рисом и «с нетом». То есть – ни с чем. Боря больше всего любил пирожки «с нетом» и с картошкой, потому что эти два вида можно было «макать» в сахар. Получалось настоящее лакомство.

Знаете, что такое счастье, господа? Это когда тебе пять лет, на дворе зима, в комнате теплая печь, а на плите скворчат в кипящем масле пирожки. Ты сидишь недалеко от печки и ждешь праздника.

Съев пару пирожков (мог бы намного больше, но кто даст?), Боря отправлялся во двор. Бабушке было удобно возиться на кухне и одновременно следить за внуком, болтающимся во дворе. Время от времени она выглядывала в окно и, если не находила его в обозримом пространстве, громко кричала: «Бора, ты где?»

Двор-колодец разносил её крик по уголкам, эхо выносила его на улицу. Поэтому соседи и называли её «баба Бора».

Покончив с готовкой, бабушка уводила внука в Городской сад или на экскурсию по местам её юности – на Молдаванку.

Во время путешествий она рассказывала внуку случаи из той, дореволюционной жизни. Рассказывая, волновалась, словно это произошло с ней вчера.

– Я была на работе, – говорила она. – Пришли какие-то хулиганы, чтоб их разорвало, и вынесли из дома все, что в нем было. Всё!.. Даже швейную иголку. Я сидела и плакала. «Гитль, – сказала мне Фира, соседка. – Иди к Мише, пожалуйся. Он поможет». И я пошла. А что было делать, когда я одинокая беззащитная девушка? И я пошла. Он жил на Госпитальной улице. Миша, у меня на стене висел ковер, сказала я ему. Поверьте, настоящий турецкий ковер. А теперь на стене одни следы от клопов. Они вынесли всё, даже иголку. Я так плакала, так плакала... «Шматье не стоит твоих слез, – сказал Миша. – Иди домой, я разберусь». Ох, Миша, Миша... Он был, конечно, бандит, но такой красивый, как гефилте фиш на шабат. В голосе бабушки прозвучала нежность, и она замолчала. Видимо воспоминания окончательно унесли её в далекую молодость.

Боря гефилте фиш любил и не позволил бабушке прервать рассказ на самом интересном месте, дернул за подол.

– Да, – продолжила бабушка. – Миша умел держать слово. Через два дня я пришла с работы, а все вещи уже были на месте. И ковер на месте, и иголки. Их даже было не одна, а целых три. А вечером Миша принес цветы и сказал, что такое больше не повторится.

Позднее бабушка не раз вспоминала этого Мишу, и Боря заподозрил, что их связывало нечто большее, чем опека бандита над одинокой девушкой.

Баба Бора была неординарной личностью. В свои шестьдесят восемь лет она не умела ни читать, ни писать, использовала в одной фразе три языка сразу – идиш, русский и польско-украинский суржик, грамоте учиться не желала категорически, но зато умела считать. Умение правильно считать, уверяла она, это основа хорошей и сытой жизни.

Считала бабушка виртуозно. Особенно деньги. Любой профессиональный ломщик или иллюзионист могли бы позавидовать ловкости ее рук, в которых мелькали и исчезали денежные купюры.

Автор подозревает, что умение Гитль Шмулевны было следствием её дружбы с бандитом Мишей. Но утверждать не смеет, тому нет документальных подтверждений.

Бабушкино искусство счета не пропадало втуне. Когда в Одессе в полную силу заработали базары, бабушка, взяв на базар пятьдесят рублей одной купюрой (это пять рублей после девальвации 1961-го года), приносила домой две корзины продуктов и непременно живую курицу. Курица висела вниз головой и отчаянно хлопала крыльями. Бабушка относила продукты и курицу на кухню и, вернувшись в комнату, выкладывала на стол кучу мелочи и скомканые бумажные деньги. Это была сдача. Боре доверяли расправлять купюры и складывать их по номинальному достоинству. Сдачи, как правило, набиралось около пятидесяти рублей, а зачастую и больше. Все, что оказывалось больше пятидесяти, принадлежало Боре по праву соучастника и партнера.

– Главное, это быстро считать и долго торговаться, – говорила бабушка, вручая ему его долю. Это была её мантра.

Мать и отец

Вечером отец вынул из шкафа морскую капитанскую форму и достал кортик. Он снял форму в день демобилизации и около года к ней не притрагивался. Действия отца маме не понравились, она не любила форму, напоминавшую ей о войне. В доме вообще никому кроме Бори форма не нравилась. Особенно ребенку нравился кортик.

– Илюша, зачем тебе форма? – строгим голосом спросила мама

– Завтра мы кое-куда поедем, – ответил отец, лукаво улыбаясь.

– Куда именно?

– Увидишь.

– Ты же знаешь, я не люблю сюрпризов.

– Это хороший сюрприз, – сказал отец и подмигнул сыну.

Лучше бы он не помигивал. Мама заметила жест отца, заподозрила какой-то заговор отца с сыном и посуровела. Она терпеть не могла заговоров в семье.

– Я никуда не поеду, – заявила она, прекрасно зная, что без неё никакая поездка не состоится, просто не может состояться по умолчанию – она глава семьи.

Боре уже четыре года, и он, в отличие от матери, любит сюрпризы. Поэтому он начинает плакать.

– Да, хорошенькое дело, – говорит бабушка на идиш, как бы в сторону. – Дитя только оторвалось от сиси, и ему уже делают головную боль.

Мать смотрит на свекровь, в глазах у неё сверкают молнии, но Боря заходится в слезах, и мать откладывает разборку с бабушкой на потом. И через силу дает согласие на поездку.

За сюрпризом они едут на трамвае. Отец улыбается; у мамы, напротив, строгое суровое лицо; ей не по нраву, что её вынудили покориться внешнему давлению.

Едут долго. Трамвай дребезжит и раскачивается из стороны в сторону. Борю начинает тошнить.

– Вот и ребенка укачало, – с укором говорит мама отцу.

Трамвай подошел к конечной остановке.

– Мы уже приехали, – говорит отец, берет сына на руки и идет к выходу.

Они выходят к пустынной площади, на которой стоит множество черных, похожих на жуков машин. Они брошены немцами и румынами при отступлении. В руках у отца распоряжение коменданта Одессы на выдачу орденосцу Хмельницкому одной машины в частное пользование.

Мама обводит глазами площадь:

– Это и есть твой сюрприз?

– Да! – Отец не может сдержать свою радость. – Тут есть и «Мерседес Бенц», и «Опель капитан». Выбирай любую.

– Здесь только немецкие? – спрашивает мама. – Что, наших нет?

– Это все теперь наше, – отвечает отец. – Трофеи.

– Я в машину врага никогда не сяду! – заявляет мама, убежденная коммунистка и патриотка. – И к этому меня никто не принудит.

Радость в глазах отца гаснет, но он еще не теряет надежды сделаться автовладельцем, цепляется за соломинку. Хотя слабо верит в удачу.

– Я спрошу в конторе, наверное, тут есть и американские, – заискивающе говорит он.

– Это ничего не меняет! Разве у вас на партсобрании не обсудили речь Черчилля в Фултоне?

Отец знает, что мать от своего решения не откажется, никакие аргументы ее с этой патриотической позиции не сдвинут, и опускает голову, прощаясь со своей мечтой. И некого тут винить, кроме американцев, которые внезапно стали врагами.

Они снова едут на трамвае. Теперь мрачен отец, а мама выглядит удовлетворенной.

– Надо было сразу сказать, куда ты нас тащишь, – насмешливо говорит она.

Борис вспомнил этот эпизод в трехчасовой многокилометровой пробке. Вокруг заливались нетерпеливыми сигналами различные иномарки: немцы, американцы, японцы... Он попытался выбраться из кабины, но не смог, – к бортам машины вплотную прижались два «Форда».

Американцы опять враги, подумал Борис. Если бы сейчас все проявляли такую же принципиальность, как мама, на дорогах не было бы никаких пробок.

Семейные забавы

Поняв, что мечта сделаться автомобилистом приказала долго жить, отец вместо машины взял на складе комендатуры патефон и пластинки. Как говорится, с худой овцы хоть шерсти клок. Впрочем, с определенными оговорками, отца, влюбленного в музыку и обладавшего совершенным музыкальным слухом, этот компромисс немного успокоил. Теперь в доме было два музыкальных предмета: патефон и радиоточка – большая черная тарелка. Радио Борю не занимало, а патефон обрадовал. Бабушку тоже. Каждый вечер отец ставил пластинку, накручивал ручку, и из патефона неслась песня. Мама к семейному увлечению музыкой отнеслась благодушно. Ну, пусть поют. Тем более что поют песни правильные, патриотичные, проверенные партийной цензурой.

Выбор музыки был невелик, всего несколько довоенных пластинок Апрелевского завода. Больше всего Боре нравились песни Лемешева. Спустя неделю он выучил наизусть слова песен «Одинокая гармонь» и «Вдоль по улице метелица метет» и громко пел их вместе с Лемешевым. Когда Боря «пел», у отца в глазах возникали скорбь и мука одновременно: у его сына напрочь отсутствовал музыкальный слух. Даже приблизительно воспроизвести мелодию он не мог, хоть убей. Зато глотка у ребенка была луженая.

«Вдоль по улице метелица метет» – орал он.

Отец любил сына безмерно и терпел. Но терпеть вокализы мальчика не хотели соседи по квартире. Как только Боря начинал петь, в дверь и в стену сразу стучали. На общем квартирном собрании потребовали от Хмельницких заткнуть одно из двух очевидных зол – ребенка или

патефон. Родители сопротивлялись, как могли. Однажды в доме появился участковый милиционер. В те годы участковые знали своих жильцов поименно.

– Илья Исаакович, – сказал он отцу. – Я тут проходил мимо, так из ваших окон на улицу несетя жуткий вой. – И не дожидаясь объяснений отца, повернулся к Боре. – Не мучай кота, пацан.

– Это не кот, это он поет, – с мукой в голосе объяснил отец.

Участковый покачал головой:

– Ну, значит, ему прямая дорога в консерваторию. – В этом коротком резюме сплелись одесский юмор и отношение одесской милиции к консерватории.

Участковый попрощался и ушел. Его появление переполнило чашу терпения мамы.

– Не желаю больше объясняться с соседями и милицией! Не смей петь! Еще раз заведешь – выброшу патефон, понял? – сказала мать сыну.

Угроза серьезная, мама была сторонницей быстрых и решительных действий.

– Ну, мусенька... – начал отец. – Он же еще ребенок...

– Я все сказала! – прервала его мать и ушла на кухню. Она, не желая продолжать дискуссию, так всегда поступала.

Отец и бабушка приуныли.

– Ему надо заплатить, – сказала на идиш бабушка, справедливо считавшая, что с помощью денег можно решить любую проблему. – Что ты хочешь, чтоб не петь? – спросила она внука.

И тут маленький паршивец заявил:

– Хочу велосипед!

– Ого! – воскликнул отец. – Ничего себе запросы! – Велосипеды в ту пору считались предметом роскоши даже для взрослых, а детям вообще полагался эрзац – склоченный из двух досок, куска кожи и четырех подшипников самокат.

– Велосипед! – твердо повторил паршивец. – И завопил во всю мочь: «Ты постой, постой, красавица моя. Дай мне наглядеться, радость, на тебя!..» – доказывая, что у него есть материнский ген упрямства.

Бабушка взглянула на отца. Отец кивнул.

– Ша, юнг! Ша! – велела бабушка. – Будет тебе велосипед, чтоб ты был нам здоров. – И добавила для отца: – Купи, я дам гроши.

Велосипед был получен. А Боря опытным путем понял, что недостатки в определенной ситуации становятся достоинствами, приносящими значительные выгоды. Значит, недостатки нужно беречь и развивать.

Диалог в очереди к врачу

– Недавно пошла в город и случайно купила себе пуховик. Красивый, длинный аж до пола.

– На здоровье.

– Я не об том. Пришла домой довольная, показываю своим. «Мама, – говорит сын. – Ты в нем похожа на джигита в бурке». «Нет, – говорит муж. – На бабу на чайник». Теперь понимаете, с кем я живу?

Сексуальное просвещение

Освободившись от домашних забот, бабушка отводила внука в Городской сад. В саду работал фонтан, и высилась веранда, на которой по воскресеньям играл духовой оркестр. По дороге в сад бабушка давала внуку советы.

– Никогда не ссорься с людьми, – говорила она. – Запомни, даже муха может нагадить.

Только став взрослым, Боря разгадал суть этой странной параллели людей и гадающих мух.

В Городском саду он подружился с Гариком. Гарик был старше почти на год, то есть почти большим. Его приводила в сад мама. Пока его отец воевал, они с матерью металась в эвакуации по Сибири, и к своим пяти годам он много чего знал о жизни. Он знал даже, что существуют таинственные отношения между мужчиной и женщиной. Боря, выросший на территории военного штаба, где кроме матросов и уток никого не было, ни о чем таком не догадывался: утки, как вы понимаете, ясности в отношениях полов не вносили. Да и Гарик, пытаясь объяснить суть гендерных отношений, говорил невнятно и особой ясности в этот вопрос тоже не внес.

Тем не менее, эта загадка встревожила Борю. Он стал подсматривать за парами. И получилось, – он увидел ЭТО собственными глазами. Можно сказать, получил наглядный урок сексуального воспитания. Случилось это в восемь с половиной лет, летом, после окончания первого класса.

В те годы обучались отдельно: как говорится, девочки налево, мальчики направо. Борина мужская школа № 105 находилась в трех кварталах от дома, и собрала в своих стенах всех юных хулиганов района. Во время уроков вдруг вдребезги разлеталось стекло в классе, учительница, прежде чем сесть, ощупывала стул рукой, а во время перемены в коридоре могла вспыхнуть «дымучка» – подожженный пакет киноплёнки, наполняющий всю школу жуткой вонью. И школа тогда закрывалась на пару дней, пока вонь естественным образом не выветрилась, что приносило ученикам дополнительные каникулы. Но «дымучка», увы, случалась не часто: киноплёнка, в состав которой входило серебро, считалась стратегическим материалом и подлежала строгой отчетности.

В таких условиях окончание учебного года с нормальными оценками можно считать подвигом; Боря в первом классе еще терпимо относился к школе. В виде стимула на следующий учебный год, отец взял путевки в Дом отдыха.

Дом отдыха находился на 13-ой станции Большого Фонтана. Таких станций в Одессе шестнадцать. Для тех, кто не в курсе, Большой Фонтан – это райская дорога вдоль побережья Черного моря, на которой с незапамятных времен располагались дачи одесских богачей. Одна из этих дач была перестроена и превращена властями в Дом отдыха работников советской торговли.

В день заезда директор Дома отдыха сказал прибывшим:

– Мы будем считать свою задачу не выполненной, если вы за две недели не поправитесь минимум на два килограмма.

Автор уверен, что при такой установке, сегодня здесь не нашлось бы ни одной отдыхающей женщины. А, возможно, и мужчины тоже. Но в те послевоенные годы бороться с весом не было необходимости, и без борьбы каждый второй походил на дистрофика.

Утро в Доме отдыха начиналось с взвешивания отдыхающих. Тех, кто не поправлялся, переводили на диету «три Ц» – «яйце, сальце и маслице», и названные продукты добавлялись в рацион нарушителей планов администрации.

Дни они с отцом проводили у моря, ловили бычков под скалками, после ужина отец играл с соседями в шахматы, а Боря болтался по улицам среди дач. Бездумное кружение привело его к даче, скрытой за высоким зеленым забором. За забором крутили патефон, раздавался женский визг и взрывы смеха. А с этой стороны забора стояли рядом мужчина и женщина. На женщине было коричневое платье в модный горошек. И вот тут-то Боре, наконец, повезло увидеть суть загадочных гендерных отношений.

Женщина стояла, прислонившись спиной к забору, с закрытыми глазами и пьяно хихикала. А на её плече повис, тесно прижавшись к ней всем телом, не менее пьяный мужчина. Они вели однообразный диалог.

– Ну, дай... – требовательно просил мужчина.

– Ну, на, – отвечала женщина, разводя в сторону руки.

– Ну, дай... – устало повторял мужчина.

– Ну, на...

Это продолжалось довольно долго. Затем мужчина отодвинулся от женщины. В его мутном взоре мелькнула какая-то мысль, и он сказал:

– Ты мне нравишься... Очень... – Он ткнулся губами в щеку женщины и снова привалился к её плечу, бормоча: – Ну, дай...

Из-за поцелуя Боре почему-то стало неловко, и он сбежал.

То, что видел, он при встрече рассказал Гарику. Гарик покровительственно ухмыльнулся.

– Это чепуха, они же пьяные, – сказал он. И объяснил, что могло произойти, если бы они были трезвыми. Когда он успел узнать детали – не понятно.

Боря слушал, раскрыв рот. После этого Гарик стал для него непререкаемым авторитетом.

Друг детства Гарик

«Нам бы по сухарику, Борику и Гарику» – это двестише они сочинили вместе. Боре исполнилось четыре, Гарику – пять. Они дружили с ранних лет вплоть до ухода на срочную службу. Авторитет Гарика с каждым годом рос. И тому существовали причины. В четырнадцать лет Гарик потерял отца, скончавшегося от застарелых ранений, и стал кормильцем семьи, заодно получив полную свободу действий. Он сделался стилигой, устроив на голове кок и надев узкие брюки. Он обзавелся девчонкой. Он зарабатывал настоящие деньги, бегая по городу и выключая на ночь свет неоновых реклам над магазинами. И, наконец, он начал удачно фарцевать, благо в Одесский порт заходили иностранные суда.

Боря во всем старался подражать Гарику. Он бы с радостью стал его компаньоном по фарцовке, но боялся матери. Поэтому реальные действия он подменял чтением книг. Так продолжалось до тех пор, пока Гарик не попросил совета, какую книгу ему прочесть.

– Понимаешь, Людка сказала, что я необразован. – Ему исполнилось шестнадцать, Люда была его девушкой уже второй месяц, и, судя по намекам, их связывала не только дружба.

Боря, понимая свое мужское несовершенство, всегда завидовал другу. А тут вдруг ощутил интеллектуальное превосходство.

– Почитай «Робинзона Крузо» – сказал он.

Автору теперь кажется, что Борей, рекомендовавшим для чтения самую скучную книгу на свете, двигало в ту минуту подсознательное чувство мести за точившую его зависть.

Вскоре Гарик сообщил, что уже дошел до двадцать четвертой страницы.

Спустя тридцать лет Борис провел отпуск в Одессе. Естественно, они с Гариком встретились. Советская власть кончилась, а капитализм еще не начался. Гарик по-прежнему торговал контрабандным импортом, но теперь оптом и не боясь обвинений в спекуляции, ибо этим занималась вся умирающая страна.

Гарик привез друга к себе на дачу в Аркадии. Дача была роскошной: двухэтажный деревянный дом, застекленная веранда, цветник у входа, фруктовый сад, кусты малины вдоль забора...

– Купил у одного профессора, тот свалил в штаты, – сказал Гарик.

– А сам ты не собираешься? – Бегство от нежных объятий советской власти за границу стало модным еще в семидесятых.

– Зачем? – Гарик был искренне удивлен. – Сейчас здесь все только начинается.

Попивая коньяк и рассказывая о жизни на Дальнем востоке, Борис внезапно обратил внимание на книжную полку, висящую на стене гостиной. На полке стояли две антикварные фарфоровые статуэтки и несколько книжек, среди которых и его подарок – «Робинзон Крузо». Борис снял книжку с полки. Закладка лежала на двадцать четвертой странице.

Половое созревание. Поцелуй

В центре двора-колодца стояла водопроводная колонка. От стены к стене тянулись веревки, на которых постоянно сушилось чье-то белье. От тяжести белья веревки провисали, их подпирали шестами. Детей в доме проживало много. Всё свободное время они проводили во дворе. Играли. Игры были простыми, но веселыми. Играли на деньги в пристенок, спорили, кто съест сто грамм хлеба за сто шагов (тогда в булочной хлеб продавался на развес), играли в «замри» и лапту, в жаркий день обливали друг друга водой из колонки.

Во время игры в «замри» Боря внезапно обратил внимание на девочку, живущую на шестом этаже, вход с улицы. Её звали Галя Худякова. Она перешла во второй класс, и для третьеклассника Бори всегда казалась малявкой. А тут он вдруг обратил на неё внимание. Мы-то с вами, дорогой читатель, знаем, что так зачастую и бывает. Видишь человека много лет, работаешь рядом или встречаешься в одной компании, и вдруг она предстает перед тобой в каком-то незнакомом облике. Но Боря этого еще не знал. Галя промчалась мимо, взметнулась её юбочка... и всё! Что-то сжалось внутри мальчишки, и ему страстно захотелось её поцеловать.

Поцелуй тогда считался делом интимным и почему-то стыдным. Но против природы не попрешь. Желание поцеловать Галю стало Бориным наваждением, он думал о нем постоянно.

Понятно, что для поцелуя требовались определенные условия: темнота, замкнутое пространство, чтобы она не сбежала, и отсутствие посторонних. Дворовые игры этим условиям не соответствовали, и Боря отважился пригласить Галю в кино на утренний сеанс.

Телевидения еще не существовало, на фильмы, где люди целуются, детей до 16-ти не пропускали, и поцелуй был для Бори terra incognita. Поэтому он собирался, пользуясь темнотой зала, применить поцелуй, подсмотренный им на 13-ой станции Большого Фонтана.

Галя, не подозревая о мужских коварных замыслах, пойти в кино на утренний сеанс согласилась.

Кинотеатр им. Горького утром демонстрировал детские фильмы. Билет стоил рубль (10 копеек после девальвации 1961-го года). Благодаря бабушкиным операциям на базаре два рубля у Бори были.

Летняя одежда мальчиков состояла исключительно из трусов. В особых случаях надевалась майка и сандалии. У Бори майка была, а сандалий не было. Вернее были, но с оторванными перепонками, что делало их непригодными для выхода в город. Поход с девушкой в кино считался случаем особым. Он надел майку, отправился к кинотеатру, купил два билета в ложу и стал ждать Галю. До её появления оставался час. А рядом с кинотеатром женщина продавала жареные пирожки. Коричневые пирожки блестели от жира и манили своим видом и запахом.

Чтобы как-то скрасить время ожидания, он купил пирожок с повидлом и ел, наслаждаясь. Жир тек по пальцам и стекал на майку, повидло вылезало из пирожка, липло к щекам и подбородку. Но кто обращает внимания на такие мелочи?

Теперь представьте себе кавалера в заляпанной жиром майке, с жирными руками, грязными по щиколотку ногами и замурзанной щекой. Признайтесь, зрелище для матери шокирующее. Она проходила мимо с коллегой по работе и, увидев свое чадо, задержалась.

– Что ты тут делаешь?

– Иду в кино с Галей, – гордясь собой, ответил сын.

– В таком виде?!.. – вскричала мать. Она повернулась к коллеге и, стыдясь, сказала: – Простите, это мой байстрюк. Всё руки не доходят заняться его воспитанием. – И покраснела.

В этот момент появилась Галя в новеньком платье. Два больших белых банта высились нимбом над её головой. Мама из деликатности перенесла выяснение отношений с сыном на вечер и ушла. А Боря заскучал. У мамы была тяжелая рука, и он догадывался, во что выльются вечерние разборки. Даже нимб на голове барышни как-то потускнел в его глазах.

Вечером, как и предполагалось, он схлопотал от матери пару знаковых подзатыльников.

Подзатыльники в те времена считались действенным средством борьбы с подростковым пубертатом. Случалось, что трех – пяти родительских подзатыльников хватало, чтобы привести подростка в адекватное состояние и усадить за уроки.

Ах, да, поцелуй!.. Нет, не состоялся. Боря весь сеанс думал о том, что его ждет дома. А если иногда и целился губами в щеку девочки, то как-то нерешительно и без особой страсти.

Диалог в очереди к врачу

– Разве это куры? У нас в Никополе были куры, так куры. Индюки их боялись. Я из одной куры делала холодец, бульон, котлетки, шейку, ливерные пирожки и еще полкуры оставалось на завтра.

Одесситы

Одесситы – это общность людей со своим языком, удивительной интонацией, парадоксальным взглядом на жизнь и страстью к перемене мест. По-детски веря, что на планете есть уголок, где людям хорошо живется, они легко снимаются с места, увозя с собой Одессу, и вновь строя её там, куда их занесла судьба. Эту удивительную общность людей без преувеличения можно назвать особым народом или племенем. Ну, скажите, какой еще народ, нисколько не усомнившись, сочинит такую песню:

Девушки, конечно, есть везде.
Спору нет, красивы парижанки.
Но красивей их во много раз,
Сонька, что живет на Молдаванке.

А затем, гордясь красотой одесситок, будут распевать эту песню по всему миру. И хоть Сонька давно превратилась в Софью Марковну, шестипудовую жительницу Австралии, песня все летит и летит над материками.

И не мудрено, что здесь, под мягким одесским солнцем, вызревают бандиты, умеющие шутить, и писатели, смотрящие на мир сквозь призму иронии и сарказма. Ибо одесситы знают, что только эти два качества помогают выжить в броуновском хаосе жизни.

К юмору и сарказму детей в Одессе приучают с детства личным примером, параллельно их образовывая.

Вот представьте: Городской сад. Месяц май. Город плывет в солнечном мареве. На шелковичных деревьях вызревают сладкие ягоды. На газоне в тени шелковиц расположилась группа подростков. Они играют в буру. Выигрывает мальчишка лет десяти. Выигрывает постоянно, его линялая майка топорщится от бумажных рублей, сунутых за пазуху. За их игрой наблюдают двое мужчин, одетых в синие костюмы и белые нейлоновые рубашки, тогда входящие в моду. На пальцах мужчин сверкают золотые перстни.

Внезапно один мужчина встает, подходит к игрокам, берет мальчика за ухо и поднимает с травы.

– Зачем я ворую? – внятно спрашивает он подростка. – Чтобы ты играл в карты? Нет, сынок, я ворую, чтобы ты имел образование. Дай сюда деньги и бегом в школу!..

Все верят в животворную силу образования: и вор, и торговец, и пролетарий, и интеллигенция. Да-да, и интеллигенция тоже. Хотя на собственной шкуре и полунищенском образе жизни испытала эту животворную силу.

Вот перед вами семья одесских интеллигентов по фамилии Рерих: отец адвокат, мать – педиатр, сын готовится идти в школу. Первый раз в первый класс.

Семья хороша всем, особенно они ценят юмор. Юмор и ирония в этой семье являются базовым отношением к жизни. В противном случае они все, не выговаривающее букву «Р», не дали бы единственному наследнику королевское имя Артур.

На вопрос, как тебя зовут, шестилетний ребенок гордо отвечает:

– Агтуг Гегих.

Как принято в еврейских интеллигентных семьях, семья уже определила будущую профессию наследника.

А что он сам?

Он стоит у окна, смотрит на улицу, где падают крупные капли августовского ливня, и, картавя, тоскливым голосом произносит:

– Все, детство кончилось... ского в школу. – Умный ребенок подсознательно чувствует, что ничего хорошего в школе его не ждет.

– Зато в школе начнется другая жизнь, интегесная, – обещает сыну отец. – Не заметишь, как пролетит вгемя. Потом пойдешь в университет. И наши книжки тогда пгочтешь.

Отца тут же дружно поддерживают бабушка и дедушка ребенка.

Семья Рерихов смотрит на наследника, немного стыдась. Они еще не сказали ребенку, что школа плюс университет – это совсем не быстро, это долгие пятнадцать лет, которых, кстати, не хватит, чтобы прочесть их личные книги – гордость семьи, втиснутую в несколько книжных шкафов. Но ребенок, услышав, что ему нужно все эти фолианты прочесть, понимает, что будет трудно. И его маленькое сердечко сжимается от страха перед поставленной ему задачей.

– Агтугчик непгименно будет вгачем, – говорит бабушка.

– Ского в школу, – повторяет ребенок, и его глаза, скрытые очками-линзами, наполняются слезами.

Все верят в животворную силу образования. Только дети не верят. Вот и вырастают из них скептики и насмешники.

Дополнение по теме

Школа – это «бесцельно прожитые годы», за которые стыдно. Только один поход в школу радостен – первый. Для этого торжественного дня мама сшила Боре новые штаны из своей старой клетчатой шали, предварительно ее заштопав. Шаль была маловата, на настоящие брюки её не хватило, и мама сшила короткие штаны, чуть ниже колен. Ремней тогда не было, если не считать солдатских, и чтобы штаны не сваливались, к ним приделывали помочи. Помочи носили крест накрест.

Первый раз Боря шел в школу гордый и веселый. Это состояние длилась до тех пор, пока он не освоился. На полное освоение он потратил четыре года. Затем школа стала навевать на него тоску. И чем дольше, тем тоскливее. Ботаника, зоология и география вызывали усмешку, математика и история – равнодушие. А три предмета – труд, где каждый год приходилось сколачивать табуретки, военное дело, на котором всегда пьяный отставник учил колоть врага палкой, изображающей штык, и пение вызывали стойкую неприязнь. А иностранный язык вызывал ненависть. Появление этого предмета в четвертом классе взорвало мозги учеников: как можно было учить язык врагов?!.. Понятие «враг» прочно сидело в головах послевоенного поколения. Педагоги тоже относились к этому предмету с подозрением; молодую училку английского, появившуюся в школе в модном платье с воланчиками на плечиках, они за глаза называли фифой, обсуждали и осуждали. В данном случае мнения школьников и учителей полностью совпадали.

Иностранный язык изучали всего один урок в неделю, и к концу года ученики, научившись называть на английском свое имя и домашний адрес, получали пятерки. Что впоследствии позволяло всем писать в анкетах о знании английского языка со словарем.

Ложка дегтя или «езде люди живут»

Все одесские мальчишки держали голубей, и Боря мечтал о голубятне. Отец пообещал её сделать. Но тут в газетах появилось известие о врачах-убийцах. По несчастью, врачи ока-

зались евреями, вернее, безродным космополитами. Такое неприятное совпадение. Газетные полосы запестрели требованиями рабочих коллективов предать врачей-убийц смертной казни и изгнать из страны остальных космополитов. Тогда-то Боря впервые узнал, что он тоже космополит и враг народа, которого зря не добились немцы. И стало не до голубей. По Одессе поползли слухи о предстоящем переселении евреев на Дальний восток. Бабушка принесла эти слухи домой.

Мама возмутилась:

– Полная чушь! И прошу вас, Гитль Шмулевна, не распространять подобную гадость.

Отец был менее категоричен.

– Мусенька, наша пятая графа – это божье наказание, – сказал он. – Все может быть.

– Ты эти религиозные штучки брось! – воскликнула мать. – Я член партбюро, мы получаем последние установки партии, и я бы о переселении знала. И рассуждай логично, невозможно же переселить целый город.

– Конечно, если рассуждать логично, но не всем логика под силу, – кротко сказал отец.

По всему было видно, что он спорить не собирается, но мать его не переубедила.

Бабушка покачала головой.

– Ой, вей, – сказала она на идиш. – Ты, Клара, конечно, большой человек, член какого-то бюро, чтоб их всех холера взяла, но если бы ты хоть раз постояла в очереди, ты бы так не говорила.

– Мама, – попросил отец, – не продолжай, и так тошно.

– Господи! Где были мои глаза, когда я выходила за тебя замуж?! – вскричала мама и ушла на кухню. Её партийное самолюбие было оскорблено убежденностью бабушки и сомнениями отца.

– Мама, ты не волнуйся, – сказал отец бабушке. – Переселят, так переселят, везде живут люди. Нужно подготовиться. С тех пор он потихоньку приносил домой деревянные ящики и складывал их в подвале, где хранился уголь. Ящиков набралось уже больше двадцати, когда умер Вождь. Мама и Боря рыдали, отец ходил хмурый, бабушка на людях делала вид, что вытирает глаза, а дома улыбалась. Потом врачей вдруг освободили, и слухи о переселении евреев как-то сами собой утихли. А из ящиков отец сколотил для сына голубятню. Установили ее во дворе, поместили две пары рябых голубей, расцветкой похожих на далматинцев, и те мальчишки, кто еще недавно кричали вслед Боре «жидовская морда», вместе с ним увлеченно гоняли голубей. Боря не возражал. Евреи, они такие – не злопамятные. Просто у них очень хорошая память.

Диалог в очереди к врачу

– На Соборной площади памятник стоит. Воронцову. Графу. Красивый мужчина, очень представительный. И стихи Пушкина под памятником. Полумилорд, полукупец, полуневежда... Дальше не помню. Он его не любил.

– Кто кого?

– Оба два.

Образец для тинэйджера

В 50-х в Одессе еще оставались разрушенные войной дома. Одну из таких «развалок» на Дерибасовской расчистили и превратили в летний кинотеатр. Он назывался «Комсомолец». Сеанс был всего один. Он начинался вечером, когда стемнеет. Один и тот же фильм демонстрировался три недели подряд. Кинотеатр сразу полюбился одесситам, не избалованным вечерними развлечениями и рвущимися «на воздух» из шумных коммунальных квартир. Особенно по выходным. Перекупщики это поняли и облепили кассу, как старатели – золотоносную речку.

В субботу и в воскресенье спекулянты продавали билеты на сеанс втрое дороже. Но в будни, в конце третьей недели демонстрации картины, зал пустовал.

В тот день показывали «Багдадского вора». Гарик был чем-то занят, и Боря пошел в кино один. Народу в зале набралось не много. Смеркалось. Высоко в небе носились ласточки. В окнах соседних домов, выходящих на кинотеатр, появились бесплатные зрители.

Боря сел с краю в последнем ряду и закурил. Летний кинотеатр тем и хорош, что здесь можно курить, никто не сделает замечание. На другом конце ряда сидела пара лет двадцати пяти. Он обнимал её за плечи.

Наконец стемнело. На экране появились «Новости дня». И тут парень засунул свободную руку под лифчик девушке. Боря в определенных случаях обладал хорошей фантазией. Он увидел себя в такой ситуации, свою руку на женской груди... Это видение мучила его весь сеанс.

Пара так и просидела полтора часа – не шелохнувшись. Им было хорошо и комфортно. А в голове Бори пульсировала только одна мысль – скорей бы повзрослеть!..

Увы, время движется по своим законам, и на желание подростков ему плевать. А золотые рыбки в Черном море не водятся, и говорящие щуки тоже.

Сострадание

Городская молодежь увлеклась курением анаши. Её называли планом. Тогда наркотики еще не попали в число запрещенных удовольствий. Как и положено, первым пристрастился к плану Гарик. И расхваливал его действие постоянно. Боря, всегда подражавший Гарику, не удержался, попросил папиросу.

– У меня планчик кончился. Пошли к Фиме Безлапому, – сказал Гарик.

Фима Безлапый – это дилер. Почему его называют Безлапым, никто не знал, возможно, у него отсутствовала рука. Но для его профессии и одной хватало. Лично его Боря и Гарик никогда не видели, видели только руку, берущую деньги и отдающую товар. Коробка из-под леденцов, наполненная анашой до краев, стоила 25 рублей – два с полтиной после девальвации. Деньги небольшие.

Пошли. Безлапый жил на ул. Пастера, на первом этаже. Постучали по подоконнику. Из-за занавески появилась ладонь, приняла деньги, выдала коробку с планом.

– Этого нам хватит на месяц, – сказал довольный Гарик.

Анаша оказалась качественной, немного похожей на пластилин. Ушли в парк, уселись на скамейке. Гарик забил косяк, пустил по кругу. Боря несколько раз затянулся, но ничего не почувствовал.

– Покури еще, скоро заторчишь, – пообещал Гарик. – Сразу не выдыхай.

Боря последовал совету, затем поднял голову. Огромная луна пробивалась сквозь шевелившуюся листву. Свет луны и танцующие листья создавали какие-то меняющиеся узоры. Боря засмотрелся. Гарик вернул его в реальность, отобрав папиросу.

– Хороший планчик... вставляет. – Гарик с наслаждением затянулся и запел:

Искры камина горят, как рубины,
Тонут вдали огоньком голубым.
Из молодого, цветущего, юного
Стал я угрюмым, больным и седым...

Боря представил себе Гарика седым и больным, ему стало его жалко, и он заплакал...

– Вот ты и заторчал, – сказал Гарик.

– Ничего не заторчал, – сказал Боря. – Мне просто тебя жалко.

– А мне тебя, – заявил Гарик и тоже заплакал.

Великой силой обладает чувство сострадания, господ.

Стиляга

В страну приехал европейский секс-символ, известный французский шансонье Ив Монтан. Он пел, непрерывно двигаясь. Движения выглядели эротическими. Советский Союз был страной пуританской; считалось, что эротика аморальна. Советские певцы не смели даже шелохнуться на сцене.

Молодежь влюбилась в Монтана. Гарик перевел песню француза «Се си бон» на русский язык, не зная ни слова по-французски, но зная мелодию и чувствуя ритм. Он пел её с французским прононсом так:

Сесибо,
Жёпа как абажюр.
Я совсем не тужю,
Что на тебе лежю...

Но речь не о Монтане, а о том, что посещение им Москвы образовало трещину в монолите железного занавеса, и в эту трещину проник фестиваль молодежи 1957-го года в Москве.

Фестиваль принес в Россию детей «разных народов», узкие брюки, цветные рубашки, обувь на толстой подошве, буги-вуги и рок эн ролл, песни Элвиса на рентгеновских снимках, прическу «кок», девичьи юбки колоколом и т.д. и т.д.

Фестиваль проходил в Москве, но Одесса не осталась в стороне. Гарик и Борик самостоятельно заузили брюки. То, что из этого получилось, походило на галифе. Затем Гарик достал у греческих моряков рубашки красного цвета и яркие галстуки. Борису достался галстук невероятной красоты: на ветке, пересекающей зеленый фон, сидел большой попугай. Этот галстук, дополненный коком и серой фетровой шляпой, завершил преобразование четырнадцатилетнего парнишки в стилиягу. Подводил только рост; в те годы его рост не превышал метра шестидесяти сантиметров вместе с шляпой.

Когда в таком виде Борис предстал перед родителями, у них случился шок. Даже бабушка, всегда и во всем поддерживающая внука, на этот раз притихла. А мать, немного придя в себя, начала войну за нравственность сына.

– Ты что, в таком виде собираешься явиться в школу?!..

Боря взглянул на отца. Взгляд у отца был умоляющим. Да Боря уже и сам понял, что отстаивать свое право на внешний вид губительно. Поэтому он не сопротивлялся, когда мать отобрала галстук, рубашку, шляпу и выдала новые брюки.

Боря удар перенес мужественно и тут же придумал контрдействие. С помощью Гарика утраченные вещи заменили новыми. Боря договорился с приятелем, что будет заезжать к нему до занятий и переодеваться, а вечером переодеваться обратно. Благо, он учился во вторую смену.

Гарик согласился на это за умеренную плату: ничего личного, только бизнес. А Боря освоил способ мимики под обстоятельства, пригодившийся ему в будущем.

Диалог в очереди к врачу

– Да, в Париже были. В Лувре. Смотрели картины.

– Понравились?

– Нет. Джоконда маленькая, и к ней не протолкаться. Думали, посмотрим другую, которая Мона Лиза. Два часа искали и не нашли.

Мимикрия

Говоря о мимикрии, Борис вспомнил историю, происшедшую спустя двадцать пять лет в подмосковном Доме творчества писателей. Он приехал в Малеевку в ноябре на семинар драматургов. Дом творчества состоял из центрального корпуса и нескольких двухэтажных коттеджей. В каждом коттедже четыре однокомнатных квартиры, по две на этаже. От коттеджей к центральному корпусу, где находилась столовая, вела аллея, обсаженная тополями. На вет-

ках тополей толстым слоем лежал белый до синевы снег: Малеевка просто утопала в снегу. Свет фонарей, установленных по обе стороны аллеи, освещал в темное время суток дорогу, снег хрустел под ногами, морозный воздух бодрил... Черт бы побрал подмосковную зиму! Ты настроился месяц отдохнуть от сырой приморской погоды, а тут климат и атмосфера рожают в тебе излишнюю тягу к творчеству. Естественно, что такой климат привлекает зимой в Дом творчества разных московских и иногородних писателей, не желающих противиться творческим позывам.

Борису выделили квартиру в самом дальнем от столовой коттедже. По случайности, в противоположной по этажу квартире поселили приморского поэта Славу Пушкина с подругой, поэтессой Галей Ч. Известность ей принесли строки:

Очень трудно не заметить
Вам моих влюбленных глаз.
У меня медовый месяц
И уже не первый раз!

И это, представьте, во времена, когда в тренде была крепкая семья! Галя, как следует из стихотворения, на семейные ценности плевать хотела. Её – истинного поэта – больше интересовал энергетик, способствующий полету эротической поэзии.

Во Владивостоке Слава с Борисом виделись крайне редко, а в Подмосковье столкнулись нос к носу. Встретились, повеселились, в полночь разошлись по квартирам. В пол седьмого утра Бориса разбудил тревожный звонок в дверь. В дверях стояла Галя.

– Славка в душе, а мне не пишется. В голове пусто, строчки не выдавить, – сказала она и протянула Борису распечатанную бутылку водки. – Пусть постоит у тебя. А я утром забегу, глотну соточку, чтобы мозги разморозились.

– Хорошо.

Борис отнес бутылку в холодильник и завалился спать – до завтрака оставалось еще два с лишним часа. Но поспать не удалось. В семь снова раздался тревожный звонок. В дверях стоял Слава с початой бутылкой водки.

– Спрячь! – Он отдал бутылку Борису. – Пытался писать – не получается. Я утром, пока Галя в душе, заскочу, выдашь мне сто пятьдесят. Вдруг поможет.

С того дня Слава и Галя по очереди будили Бориса. А затем они, влюбленные и веселые, шли по аллее на завтрак и громко пели. Из их ртов вырывал пар, разящий алкоголем, что вызывало у семейных обитателей Малеевки вполне объяснимую зависть.

Больше писать утром стихи они не пытались. Как говорится, с утра выпил – целый день свободен.

Проблемы подросткового возраста

Память уносит героя в прошлое беспорядочно. Только что он вспоминал семинар, и вдруг выплыла дата 15 июня 1958 года, поворотный день в судьбе Бори Хмельницкого. В тот день в школе подвели итоги за восьмой класс, и Боря обнаружил в своем табеле шесть двоек по шести основным предметам. И приписку: «Оставлен на второй год». Боря был к такому вердикту готов, но нервничал: впереди маячило объяснение с родителями. Результат объяснения мог оказаться для второгодника болезненно огорчительным.

Вечером вся семья Бори собралась на совет у круглого стола. В центре стола лежал злополучный табель.

Отец Бори служил товароведом на Одесской базе Укркультторга, мать работала в отделе кадров Управления Жилищно-коммунальным хозяйством, и оба, в отличие от бабушки, были страстными сторонниками образования. А тут такой облом.

В комнате висела напряженная тишина. Мать смотрела на табель взглядом удава, повстречавшего кролика, отец нервно курил возле окна и старался на табель не смотреть. Назревал конфликт, а отец по доброте душевной конфликтов и ссор избегал.

За окнами прогрохотал трамвай. Перестук его колес и лязг вагонов прервал оцепенение, охватившее присутствующих.

– Так, – глухо сказала мама. – Значит, шесть двоек? – И, повернувшись к отцу, потребовала: – Илюша, прекрати дымить!

Они жили на втором этаже, окна выходили на улицу. Отец выглянул вниз, убедился, что под окном нет прохожих, и выбросил окурок на тротуар. На отца это не похоже, и объяснить такой поступок можно только его растерянностью.

– Теперь говори! – велела мать отцу. – Ты же отец, поговори с ним как мужчина с женщиной.

Мама в сложных ситуациях иногда предлагала отцу проявить мужской характер. Возможно, чтобы утвердить его значимость в семье. Но отцу этого не хотелось; считаться «хозяином» в доме даже временно он не стремился, всегда и во всем полагаясь на мать.

– Мусенька, – взмолился он. – Ну, останется ребенок на второй год, ничего страшного. Ему же всего пятнадцать.

– Думай, что говоришь! – В голосе матери послышались грозные ноты. Наверное, должность сотрудника отдела кадров выковала ее руководящий тон.

Отец виновато опустил голову.

– Ништ лейбен, нур халоймес, – заявила бабушка. – Дайте дитю руге, он вже навчился рахуваты. – На понятный язык её заявление можно перевести так: «Жизнь и так паршива. Дайте ребенку покой, он уже научился считать».

– Гитль Шмулевна, пожалуйста, не вмешивайтесь! – У мамы были сложные отношения со свекровью.

– Я больше в школу не пойду! – заявил Боря, полностью согласный с бабушкой.

– Кем же ты собираешься быть? Дворником или сапожником? – спросила мама.

По мнению матери, дворник и сапожник находились на самой низшей социальной ступени. В отличие, скажем, от закройщика или повара, которым «цены нет».

– Я буду замом директора комиссионного магазина, – твердо сказал тинэйджер. В этом желании чувствовались влияние бабушки, всегда с прибылью посещавшей рынок, и Гарика, вполне успешно фарцевавшего. Контрабандное шматье покупатели просто рвали из его рук.

– Почему замом? – удивился отец.

– Зам – не материально ответственное лицо. Устрой меня в торговый техникум, – попросил отца сын.

– Ты слышишь, мусенька? – Просьба сына пришлось отцу по душе: намечалась трудовая династия, отвечающая веяниям времени. – Он хочет в торговый техникум.

– Через мой труп! – заявила мама. – Его посадят еще до того, как он станет замдиректора. Если он хочет в техникум, пожалуйста – в станкостроительный. Там директором муж нашей бухгалтерши. Пусть учится на инженера.

– Только не инженером!.. – вскричал Борис. – Не хочу, чтоб как в том анекдоте...

– Закрой рот! – прикрикнула мать, инстинктивно оглянувшись на дверь. В те годы все еще хорошо помнили, к чему может привести рассказанный анекдот.

– Инженером я не буду, – продолжал возражать сын. – Я в технике ничего не понимаю!..

– И верно, – поддержал его отец. – Знаешь, пусть доучится в школе, потом поймет, кем быть.

– Поймет?!.. – Мама глянула на сына. – Для этого мозги нужны. А он даже восьмой класс не осилил. Он будет инженером, и точка.

А что, инженеру мозги не нужны, подумал второгодник.

– Лучше пусть будет зубной техник, – сказала на идиш бабушка. – У меня есть паратройка николаевских десяток, из них можно сделать такие коронки, что вся Одесса будет к нему в очередь.

– Вы соображаете, что говорите?! – шепотом вскричала мама тоже на идиш. – Вы хотите, чтобы нас всех посадили за уккрытие золота?!..

– Я же говорю на идиш, никто не поймет.

– Гитль Шмулевна, в нашем городе любой сотрудник ОБХСС хорошо понимает идиш. Все, собрание закончено! – сказала мама по-русски, и ушла на кухню.

– Ты должен понять, что мама желает тебе только добра, – мягко сказал отец. – И станкостроительный техникум ничем не хуже торгового.

Так были подрезаны крылья Бориной мечты об обеспеченной и сытой жизни. Жаль. Поступи он тогда в торговый техникум, и фамилия Хмельницкий сейчас, возможно, находилась бы в списках журнала Форбс. А почему, собственно, нет? Хмельницкий звучит ничуть не хуже, чем Березовский. А в подборе кандидата на пост президента России, этот Борис, поверьте, был бы гораздо осмотрительнее, чем тот.

Анекдот, запрещенный мамой к рассказу

Начальный класс грузинской школы. Учительница знакомится с учениками.

– А теперь, дети, расскажите, кто ваши родители.

– Мой папа прокурор, – говорит Резо.

– А мой – мясник на рынке! – выкрикивает Вахтанг.

– Русланчик, почему ты молчишь? – спрашивает учительница мальчика, сидящего на первой парте.

– Мой папа – инженер, – тихо говорит Руслан.

Класс хохочет.

– Тише, дети, – говорит учительница. – В семье Руслана горе, а вы смеетесь.

Этот анекдот можно рассказывать применительно к любой интеллигентной профессии, – учителя, врача, философа, историка, художника, ботаника, биолога...

Читатель может сам продолжить список профессий, вызывающих у гегемона насмешку.

Средне-специальное образование. Начало

Все существо Бориса протестовало против станкостроительного техникума, и он лихорадочно искал выход из создавшейся ситуации. Узнав, что придется сдавать экзамены, успокоился: достаточно получить двойку, чтобы избежать ненавистой учебы. Опыт получения таких оценок у него имелся со школьной скамьи. И он бодро отправился на экзамен – писать сочинение.

Для сочинения Борис выбрал тему «Образ Пьера Безухова в романе Л. Толстого «Война и мир» и стал усердно проводить свой план в жизнь. Он написал все, что помнил о Безухове. Поскольку «Войну и мир» не читал, помнил немного, писал увлеченно и весело, будучи уверенным, что двойка за подобную чушь ему обеспечена.

Пятнадцать лет, увы, возраст легкомысленных поступков и неразумных решений. Юноша не учитывает все привходящие обстоятельства, при которых получить, допустим, двойку сложнее, чем пятерку. За сочинение он получил четверку. Это его удивило и насторожило. И он с удвоенной энергией стал бороться за свою свободу, честно демонстрируя незнания на следующих двух экзаменах – по литературе и истории. На них получил две тройки. В результате нужное количество баллов не набрал, но радости не испытал, так как на первый курс был зачислен. Ибо в экзаменационной эпопее Борис не учел самую важную деталь – дружбу мамы с женой директора техникума.

Техникум – это среднее специальное учебное заведение. В иерархической лестнице учебных заведений техникум занимает место между школой и ВУЗом. Что предполагает для учащихся бОльшую свободу и бОльшую ответственность. Свобода Борису нравилась, ответственность – нет. Профессия, которую он должен получить после четырех лет обучения называлась «техник-технолог холодной обработки металлов». Борис воспринял это, как первоклассник теорию относительности – не понял ни слова. А уж предметы типа «сопромат», которые предстояло изучать, вообще звучали для него словно прокурорское обвинение: сопромат, компромат... От депрессии его спасал здоровый юношеский оптимизм, одесский юмор и папираса, заправленная качественной анашой. Но не пойти на занятия не отважился, боясь семейных разборок. Нырнув с головой в дымную завесу косяка, он переступил порог техникума.

Руководить курса, молодой мужчина по фамилии Хофман, стал знакомиться с учащимися по алфавиту.

– Аронович, – начал он.

За Ароновичем последовали Брегман, Гуревич, Кац, Зильберлейб, Шнеерзон... И пошло, и пошло. Таких фамилий из двадцати шести оказалось двадцать две. И все – потомственные одесситы. Что лишний раз доказывает, что Одесса изначально не была русским или украинским городом, а исключительно еврейским оффшором Российской империи.

У выхода из техникума Бориса ждал Гарик, мечтающий о расширении своей клиентуры за счет сокурсников друга.

– Ну, как? – спросил он. – Клиенты есть?

– Думаю, да.

Гарик обрадовался, выразив свою радость предложением пойти в «стоячку». Так называли кафе, открывшееся на углу Дерибасовской и Карла Маркса. Там стояли высокие столы, как в пивной, и можно купить кофе с 25-ью граммами коньяка. Возрастных ограничений на спиртное и курево тогда еще не вводили. Наоборот, курение приветствовалось. На стене кафе висел красочный плакат. На нем был изображен холеный мужчина европейского вида. В руке он держал сигарету «Друг» с золотым ободком. И текст:

На сигареты я не сетую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.